

Возвращение / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Возвращение / рассказ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Море бьет в берег короткой однозвучной волной. Белые облачка, словно птицы, проносятся по необъятному синему небу, гонимые стремительным ветром; в изгибе долины, сбегающей к океану, греется на солнце деревня.

У самой околицы стоит домик Мартен-Левеков, в стороне от других, на краю дороги. Это рыбацкая глинобитная лачуга, крытая соломой, с кустиком голубых ирисов на самой верхушке. Перед дверью – квадратный огородик величиной с платок, где растут лук, несколько кочанов капусты, петрушка и кервель. Плетень отделяет огород от дороги.

Хозяин на рыбной ловле, а жена перед домом чинит большую бурую сеть, растянутую на стене, словно громадная паутина. У калитки, на колченогом соломенном стуле, припертом спинкой, к плетню, сидит девочка лет четырнадцати и чинит белье – не раз уже латанное и штопанное белье бедняков. Другая девочка, годом моложе, укачивает на руках грудного ребенка, еще бессловесного, еще не знающего осмысленных движений, а двое карапузов, двух и трех лет, сидя нос к носу прямо на земле, роют неловкими ручонками ямки и кидают друг другу в лицо пригоршни пыли.

Никто не произносит ни слова. Только малыш, которого стараются укачать, не умолкая, плачет пискливым и слабым голоском. На окошке дремлет кот. У стены дома красивой, нарядной каймой распушились белые левкой, а над ними жужжит целое сонмище мошкар.

Вдруг девочка, которая штопает у калитки, окликает:

– Ма-ам!

– Чего тебе? – отзывается мать.

– Опять он тут...

С самого утра они тревожатся, потому что вокруг дома все бродит какой-то старый человек, похожий на нищего. Они

заметили незнакомца, когда провожали отца к лодке, чтобы помочь ему погрузиться. Человек сидел у канавы против двери. Вернувшись с берега, они застали его на том же месте; он сидел и смотрел на их дом.

Казалось, он был измучен и болен. Более часу он сидел не шевелясь; потом, заметив, что его подозревают в дурных умыслах, поднялся и ушел, волоча ноги.

Но вскоре они увидели, что он возвращается медленным и усталым шагом; он снова уселся, но на этот раз немного подальше, словно собирался подсматривать за ними.

Мать и девочки испугались. Особенно встревожилась мать, потому что она от природы была боязлива, а хозяин, Левек, должен был вернуться не раньше вечера.

Мужа ее звали Левек, а сама она носила фамилию Мартен, и их окрестили Мартен-Левеками. Случилось это вот почему: она вышла первый раз замуж за моряка Мартена, который каждое лето отправлялся к Ньюфаундленду на ловлю трески.

За два года замужества она родила от него дочку и была беременна на седьмом месяце, когда пропало судно, на котором плавал ее муж, – Две сестры, трехмачтовая шхуна из Дьепа.

О шхуне так и не было больше вестей, никто из находившихся на ней моряков не вернулся: и все решили, что она затонула с людьми и грузом.

Мартен десять лет ждала своего мужа и с великим трудом растила двух дочерей; потом, так как она была женщина работающая и хорошая, к ней посватался один из местных рыбаков, Левек, вдовец с маленьким сыном. Они поженились, и за три года она родила от него еще двоих детей.

Жизнь у них была тяжелая и многотрудная. Хлеб в их доме ценили дорого, а мяса почти не видали. Случалось, они должны были булочнику – зимой, в ненастные месяцы. Ребята все же росли здоровыми. Люди говорили:

– Славные они оба, Мартен-Левеки. Мартен работы не боится, а Левек в рыбацком деле любого за пояс заткнет.

Девочка, сидевшая у плетня, заговорила опять:

– Похоже, он знает нас. Может, это нищий из Эпревиля, а не то из Озебоска.

Но тут мать не могла ошибиться. Нет, нет, это человек нездешний, наверняка!

Он все торчал у дороги, как пень, упрямо уставившись на дом Мартен-Левеков, и Мартен, наконец, разъярилась; со страху набравшись храбрости, она схватила лопату и вышла за порог.

— Вам чего тут надо? — крикнула она бродяге.

Он отвечал хриплым голосом:

— Да вот сижу на холодке. Разве я вам мешаю?

Она продолжала:

— Что это вы будто подглядывать пришли к моему дому?

— Плохого я никому не делаю, — ответил он. — Нельзя на дороге посидеть, что ли?

Она не нашла, что ответить, и вернулась домой.

День тянулся медленно. К полудню человек исчез. Но к пяти часам появился. Вечером его уже не видели.

Левек вернулся к ночи. Ему обо всем рассказали. Он решил:

— Верно, разнюхивать пришел, дурной человек, должно быть.

И он спокойно лег спать, а его подруга все думала о бродяге, который смотрел на нее такими странными глазами.

На рассвете подул сильный ветер, и рыбак, видя, что нельзя выйти в море, принялся помогать жене чинить сети.

Часов в девять старшая девочка, дочь Мартена, ходившая за хлебом, вернулась бегом, перепуганная, и закричала:

— Мама, опять он тут!

Мать вся побледнев от волнения, обернулась к мужу.

— Ступай, Левек, поговори с ним. Пусть он бросит подглядывать, а то я уже сама не своя.

И Левек, дюжий моряк с кирпично-красным лицом и густой рыжей бородой, с голубыми глазами, словно проколотыми черной точкой зрачка, и с крепкой, всегда тепло укутанной шеей — в защиту от дождя и морского ветра, — спокойно вышел и направился к прохожему.

Они заговорили.

Мать и дети издали смотрели на них в смятении и тревоге.

Вдруг незнакомец поднялся и вместе с Левеком направился к дому. Мартен испуганно попятилась. Муж сказал ей:

— Дай-ка ему хлебца и кружку сидра. У него два дня крошки во

рту не было.

И оба вошли в дом, а за ними – женщина и дети. Прохожий сел и принялся есть, опустив голову под всеми устремленными на него пристальными взглядами.

Мать, стоя, разглядывала его, две старшие девочки, – мартеновские, одна с малышом на руках, – прислонились к дверям и с жадным любопытством уставились на чужака; два карапуза, сидевшие в очаге на остывшей золе, перестали играть черным котелком, будто и они хотели посмотреть на нового человека.

Левек сел и спросил:

– Так, значит, вы издалека?

– Из Сета.

– И все пешком?

– Пешком. Платить нечем, так поневоле пойдешь.

– Куда же вы?

– Я шел сюда.

– У вас тут есть кто-нибудь?

– Может, и есть.

Они замолчали. Человек, хоть был голоден, ел медленно и каждый кусок хлеба запивал глотком сидра. Лицо у него было старое, морщинистое, костлявое. Видно, он перенес много тяжелого.

Левек вдруг спросил:

– А как вас звать?

Он ответил, не поднимая головы:

– Меня звать Мартеном.

Странная дрожь пробежала по телу матери. Она шагнула вперед, словно хотела получше разглядеть бродягу, и остановилась перед ним, уронив руки, раскрыв рот. Никто не произносил ни слова.

Наконец Левек снова заговорил:

– Вы здешний?

Тот ответил:

– Здешний.

Он поднял, наконец, голову; глаза женщины и его глаза встретились и остановились недвижно, взгляды соединились, будто притянутые магнитом друг к другу.

И вдруг она тихо произнесла задрожавшим, изменившимся голосом:

– Это ты, муженек?

Он медленно ответил:

– Да, я.

Он продолжал сидеть и жевать хлеб. Левек, не то что взволнованный, а скорее удивленный, пробормотал:

– Это ты, Мартен?

Тот просто ответил:

– Да, я.

Второй муж спросил:

– Откуда же ты взялся?

Первый рассказал:

– С африканского побережья. Мы наскочили на мель. Трое нам спаслись – Пикар, Ватинель и я. Потом дикари схватили нас и держали у себя двенадцать лет. Пикар и Ватинель померли. Один англичанин-путешественник проезжал по тем местам, он забрал меня с собою и довез до Сета. Вот я и пришел.

Мартен расплакалась, уткнувшись лицом в передник.

Левек сказал:

– Как же нам теперь быть?

– Ты что, ее муж? – спросил Мартен.

– Да, муж, – ответил Левек.

Они взглянули друг на друга и замолчали. Потом Мартен, оглядев детей, собравшихся вокруг него, кивнул головой в сторону двух девочек:

– Это мои?

– Твои, – подтвердил Левек.

Мартен не встал с места, не обнял их; он только заметил:

– Господи, большие-то какие!

Левек повторил:

– Как же нам быть теперь?

Мартен раздумывал, тоже не зная, как поступить. Наконец он решился.

– Что ж, говори, я сделаю по-твоему. Я тебе зла не желаю. Только с домом вот неладно выходит. Ребята... у меня двое, у тебя трое – каждому свои. Вот мать их, – то ли твоя она, то ли моя? Как захочешь, так и будет. Ну, а уж дом-то мой, он мне от

отца достался, тут я родился, и бумаги все у нотариуса есть. Мартен все плакала, отрывисто всхлипывая, и прятала лицо в голубой холщовый передник. Старшие девочки придвинулись поближе друг к другу, с беспокойством разглядывая отца.

Мартен кончил есть. Теперь он, в свою очередь, спросил:

– Как же нам быть?

Левеку пришла в голову мысль:

– Пойдем к священнику, он и рассудит.

Мартен встал и, когда он шагнул в сторону жены, та, рыдая, бросилась к нему на грудь:

– Муженек! Ты тут! Мартен, бедняга мой, ты тут!

И она обхватила его обеими руками, ощутив вдруг всем существом веяние давно минувшего, потрясенная силой воспоминаний, которые воскресили перед ней юные годы и первые объятия.

Мартен тоже растрогался и несколько раз поцеловал ее в чепец. Оба мальчугана, сидевшие в очаге, заревели в один голос, услышав, как плачет мать, а самый маленький, на руках у младшей дочки Мартенов, завизжал пронзительно, как испорченная дудка.

Левек стоя ждал.

– Пойдем, – сказал он, – надо все устроить как полагается.

Мартен выпустил жену из объятий; заметив, что он смотрит на дочек, мать сказала им:

– Чего же вы? Поцелуйте отца.

Они подошли вместе, без единой слезинки, недоумевая и немного побаиваясь. Он чмокнул одну вслед за другой, в обе щеки, неумело, по-крестьянски. Малыш, увидев, что к нему приближается чужой человек, залился таким неистовым плачем, что его чуть не схватили судороги.

Затем мужчины вышли.

Когда они проходили мимо кабачка «Торговля», Левек спросил:

– А не выпить ли нам по стаканчику?

– Что ж, я не прочь, – согласился Мартен.

Они вошли, уселись в пустой еще комнате, и Левек закричал:

– Эй! Шико! Два стаканчика настойки, да покрепче: Мартен вернулся, прежний муж моей жены. Знаешь, Мартен с Двух сестер, который пропал.

Толстобрюхий, багровый, заплывший жиром кабатчик подошел, держа в одной руке три стакана, а в другой бутылку, и невозмутимо спросил:

– Смотри-ка! Ты вернулся, Мартен?

– Вернулся, – ответил Мартен.

* * *

Напечатано в «Голуа» 28 июля 1884 года под заглавием «Мартены» («Les Martins»). Авар писал Мопассану 5 августа 1884 года: «Черт возьми, какую замечательную новеллу Вы напечатали в «Голуа»! Клянусь Вам, она так и не выходит у меня из головы. Никогда еще Вы не создавали ничего более сильного и нипочем не угадали бы, какое огромное впечатление произведет она на публику».

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Н.Вильтер. Heкаýalar